

Результаты американских раскопок Трои

В 1938 г. закончились новые раскопки холма Гиссарлык, предпринятые в 1932 г. археологической экспедицией университета Цинциннати под руководством К. Бледжина.

Производившиеся на протяжении семи лет работы, о которых можно судить по предварительным полевым отчетам, документированы неполной пока и, к сожалению, не всегда удачной публикацией памятников¹.

С тех пор как вышел в свет монументальный труд Дерпфельда², подведший итоги шлимановским и его собственным работам в Трое, непрерывно продолжалось изучение собранного ими материала. Археологические открытия в Северной Греции, Македонии, Венгрии и Западной Анатолии, сделанные главным образом в XX ст., позволяют изучать древнюю Трою в свете весьма широких культурных связей.

На западно-малоазийских городищах и некрополях, относящихся к началу III тысячелетия до н. э. (Безика-Тепе, Ханай-Тепе в Троаде, Иортан на Каике, Терми на острове Лесбосе и некоторые пункты в Карии), обнаружилось многочисленное количество памятников раннетроянской культуры, свидетельствующие о местном происхождении поселения на холме Гиссарлык. Это тем более важно подчеркнуть, что северные и северо-западные культурные аналогии, о которых подробно будет сказано ниже, дали повод некоторым ученым, в частности Шухгарту, Чайльду и Гетце³, говорить о европейском происхождении троянской культуры.

Культура Трои I, о которой до американских раскопок можно было судить лишь по керамическим данным, имеет средиземноморские черты⁴.

Эванс, на основании сходства неолитической керамики Крита с раннетроянской, считал возможным говорить о малоазийском происхождении критской культуры⁵, а Франкфорт⁶ доказал очень убедительно зависимость техники окрашенной керамики древнеэгейского периода (Urfirnis) материковой и островной Греции от древнейшей окрашенной посуды Западной Анатолии. Критская керамика древнеминойской эпохи, при многих формальных различиях, в техническом отношении обнаруживает ту же самую зависимость от Западной Анатолии, что и керамика элладийская.

Присутствие в древнейшем слое Трои некоторых продуктов импорта, например, обсидиана, не позволяет преуменьшать значение обмена на ранней стадии троянской культуры, а чрезвычайная близость европейского континента с его речными путями, ведущими к Эгейскому морю и Гелеспонту, делает весьма вероятными торговые сношения и взаимные культурные связи Троады с такими пунктами, как Винча (Vinča) (близ Белграда) и Тордос (Трансильвания) на Среднем Дунае, через посредство

¹ См. AJA, XXXVI (1932), стр. 431 сл.; XXXVIII (1934), стр. 223 сл.; XXXIX (1935), стр. 6 сл.; XLI (1937), № 1, стр. 17 сл.; XLI (1937), № 4, стр. 553 сл.; XLIII (1939), стр. 204 сл. Помимо отчетов Бледжина, еще более краткие сообщения печатались в том же AJA за 1933 г. и в JDAI, т. 48 (1933). Имеется публикация найденных в раскопках греческих надписей: AJA XXXIX (1935), № 4, стр. 588 сл.

² «Troja und Ilion», I—II, 1902.

³ См. A. Christensen, A. Götzte, etc., Kulturgeschichte des alten Orients (Götzte, Kleinasien) 1933 г., стр. 25, там же и перечень публикаций, а также C. Schuchhardt, Alteuropa, стр. 204; G. Child, The Dawn of the European Civilization, стр. 62.

⁴ Аналогии: на Крите—см. D. Fimmen, Die Kretisch-Mykenische Kultur, стр. 84; в Греции (Тириф) — Н. Франкфорт, Studies in the early Pottery of the Near East, II, табл. III; в Италии и Сицилии — М. Мауер, Molfetta und Matera, табл. XXI сл.; на северные аналогии (Македония, Фракия) обратил в свое время внимание Губерт Шмидт в ZE, 1905, стр. 633. О новых находках в Халкидике см. у G. Mylonas, Excavations at Olynthus, Part I: «The Neolithic Settlement, стр. 93 и рис. 22, 58, 61, 73».

⁵ A. Evans, The Palace of Minos, I, стр. 7.

⁶ H. Frankfort, ib., II, стр. 88.

фракийского побережья и Македонии, где и каменные орудия и керамика энеолитической поры имеют чрезвычайно много общего с Троадой¹.

Вышеизложенные факты вполне, думается, объясняют остроту интереса археологов и историков древности к ранней Трое, тем более, что азиатские связи культуры древней Трои прослеживаются до северной Сирии и Кипра².

Архитектурные остатки Трои I были открыты Шлиманом на очень небольшом пространстве. Произведенный в 1933 г. зондаж дал другую, более полную стратиграфическую картину, заставившую разделить слой I на четыре периода (Ia—Id), из которых начальный залегал непосредственно на материковой скале.

Неподалеку от того места, где Шлиман обнаружил остатки древнейшего слоя Трои, в 1935—1936 гг. были открыты два жилых дома, относящиеся к периоду Ia. Дома имеют

Рис. 1. Дом города Ia

в плане форму параллелепипеда, т. е. являются такими же «мегаронами», как и знаменитые мегароны II города (в центральном и самом большом из них [II A], как известно, Шлиман хотел видеть дворец Приама).

Опишем кратко второй из этих домов, больший по размерам (рис. 1). Он состоял из единственного помещения, удлиненной в меридиональном направлении формы. Стены, сохранившиеся на высоту до 1 м, сложены из необработанных камней на глине в качестве связующего материала; в некоторых местах здания наблюдается кладка в елочку. Размеры дома—12,85×5,4 м; приблизительно посередине северной стены обнаружена дверь; за ней с внешней стороны имеется нечто вроде портика, который был достаточно глубоким и имел замощенный каменными плитами пол. Отмечено несколько камней, могущих служить базами для колонн, поддерживавших его фасад. Здание перестраивалось четыре раза. Глиняные полы образовали напластование, достигающее 0,5 м толщины. В полу обнаружено несколько плоских камней, которые, вероятно, служили упорами для деревянных столбов, поддерживавших перекрытие и деливших помещение на части.

На небольшом расстоянии к востоку от центра дома помещался очаг, выложенный из плоских каменных плит, почерневших от огня.

¹ W. H e u r t l e y, Prehistoric Macedonia, «Antiquity», т. III, (1929), стр. 318 сл.; а также Н. Schmidt в ZE 1905, стр. 91.

² Н. F r a n c f o r t, Studies, II, стр. 57. Sakjegenzi в северной Сирии может быть отмечен как самый южный пункт, где встречается керамика, подобная древнейшей троянской.

У южной стены расположен небольшой каменный полук. Неподалеку от той же стены, к северу, имеется углубление в полу, тщательно обмазанное глиной. В нем были обнаружены обломки керамики и кусочки меди. Бледжен указывает, что в подобных глиняных чанах в полу современное туземное население месит хлебное тесто.

Среди остатков пищи, помимо костей животных, отмечено большое количество устричных и иных раковин — очевидно, моллюски служили одним из основных съестных продуктов древнейших обитателей города. Из других находок обращает на себя внимание грубая глиняная статуэтка женщины, подобная найденной в Винче¹.

Любопытно отметить, что под полом, на небольшой глубине, найдено шесть детских погребений (одно труположение, остальные — трупосожжения) в глиняных урнах.

Таков же в общих чертах и другой из новооткрытых домов Трои I, но он имеет несколько меньшие размеры, и остатки его дошли до нас в худшем состоянии.

Рис. 2. Оборонительная стена и башня города I

Однако эти дома не являются древнейшими сооружениями на занятом ими месте. Под южной частью описанного здания, по его диагонали, залегает длинная (до 11 м) стена еще более древнего дома. Недалеко от ее восточного края лежит поперечная стена. В ней имеется дверное отверстие, близ него — камни, поддерживавшие дверные столбы. Длинная стена упирается в узкое и несколько отличное от нее по архитектуре сооружение в форме апсиды. В ней также прослеживается дверное отверстие с двумя каменными упорами для столбов. Керамические находки, равно как и стратиграфические данные, убеждают в принадлежности этого сооружения тому же периоду I а, но лишь к более ранней его фазе².

Обнаружение этих домов важно прежде всего потому, что отныне мегаронообразные сооружения должны быть признаны изначальными для Трои, где они имеют достаточно выраженные восточные черты, к которым прежде всего относится кладка в елочку, весьма распространенная в Азии. Сюда относится также и самый способ постройки из сырцового кирпича на каменных фундаментах, характерный для всех древних слоев Трои, и связанное с этим устройство перекрытия и дверей на деревянных столбах, помещенных на каменные упоры.

Открытия в слоях I города, добытые новыми раскопками, не ограничиваются этими

¹ AJA, 1935, рис. 2, стр. 553; ср. G. Child e, The Danube in Prehistory, рис. 11.

² Документальный материал см. в AJA, XXXIX (1935), № 4, стр. 551 сл. и XLI (1937), № 1, стр. 17—20.

двумя домами; в 1937 г. в нескольких местах (главным образом, на участке F 5—6) была прослежена оборонительная стена Трои I (рис. 2), имеющая ворота, фланкированные двумя башнеобразными выступами. Толщина ее в некоторых местах достигает 11 м. По стратиграфическим признакам сооружение стены должно быть отнесено к средней поре I города.

В дополнение к этому, в западной части городища отмечено наличие второй оборонительной стены, тоже эпохи I города. Это сооружение является третьим (считая за первое шлимановские толстые стены) в последовательной серии укреплений I города и относится к самому позднему периоду его существования.

Интересная находка обнаружена в 1937 г. в непосредственной близости от ворот оборонительной стены I города. Речь идет о профилированной плите из известняка

Рис. 3. Каменная плита с рельефным изображением человеческого лица. Троя I

с рельефным изображением человеческого лица. Изображение, нанесенное низким рельефом, исполнено весьма примитивно — показан овал лица, внутренняя линия которого образует дуги бровей и нос в виде длинного прямого отростка. Внешняя линия овала, расширяясь на уровне ушей, показывает подстриженные волосы, подчеркнутые небольшими углублениями (может быть, проделанными для инкрустации) (рис. 3). Стилистически оно может быть сближено с рядом человеческих изображений эпохи неолита или раннего металла в Средиземноморье, но для Малой Азии это едва ли не самый древний образец каменной скульптуры. Вместе с этой плитой были найдены еще две, имеющие профилировку, но лишенные изображений¹.

В результате этих открытий Троя I предстала перед нами в новом, несколько неожиданном, свете. Вместо «небольшого поселения европейских пришельцев»² она оказалась хорошо укрепленным городом с прочными, больших размеров жилыми постройками. И по-скольку количество архитектурных напластований в пределах I слоя свидетельствует о продолжительности его существования, дата возникновения Трои никак не может быть оторвана от рубежа IV—III тысячелетий до н. э.

С самого своего основания Троя была уже тем, чем в сущности и продолжала оставаться на протяжении двух тысяч лет, — хорошо укрепленным замком, расположенным близ важных морских и континентальных путей, открывавших большой простор разбойничьей торговле. Стены Трои I — один из древнейших памятников каменных оборонительных сооружений в Средиземноморье.

Дерпфельд считал, что между I и II слоями залегают 25 см стерильного грунта, накопившегося в эпоху перерыва в жизни города³. Hiatus этот должен был соответствовать довольно продолжительному времени. Наличие hiatus'a признавали и другие ученые⁴.

В 1937 г. на глубине около 0,2 м ниже фундамента здания II города (II R на плане Дерпфельда), раскопанного Шлиманом, обнаружили еще остатки небольшого четырехугольного здания, залегавшие как раз в том горизонте, который соответствует установленному Дерпфельдом hiatus'у между I и II слоями⁵. Здание, следовательно,

¹ AJA, 1937, № 4, стр. 569.

² G. Childe, стр. 53.

³ «Troa und Ilion», I, стр. 49.

⁴ См., например, B. Schuchardt, Schliemann's Ausgrabungen, стр. 60, а также «Alteuropa», стр. 201.

⁵ AJA, 1937, № 4, стр. 554 сл.

относится как раз к переходному периоду. В связи с этим была изучена стратиграфия—на стыке I и II слоев.

Hiatus не прослеживался, и было установлено, что образцы массовой керамики конца I и начала II слоя практически между собой не различимы до появления в последнем из них блестяще-красной лощеной керамики, отсутствующей в I слое.

То, что мы теперь знаем о древнейшей архитектуре Трои, позволяет говорить также и о непрерывной архитектурной традиции и, стало быть, вообще о том, что Троя II является результатом развития Трои I.

К переходному периоду I—II слоя примыкают находки, сделанные в конце прошлого столетия в некрополе Иортан, на верхнем Каике. Могилы содержали кремации в пифосообразных урнах с большим количеством приношений, состоявших из керамики, примитивных каменных идолов и золотых и бронзовых изделий. В особенности интересна керамика, с одной стороны, повторяющая формы и технику Трои I, с другой—дающая образцы сосудов, окрашенных красной краской, типичных для Трои II. Керамика Иортана дает более полное представление о ранней троянской продукции, чем сама Троя, а положение этого пункта в Южной Мизии, на довольно значительном расстоянии от Трои, показывает, насколько велика была территория, занятая троянской культурой на столь ранней ступени ее развития¹.

Для понимания происхождения ранней троянской культуры не малое значение приобретают находки на восточно-анатолийском городище Алишар-Гитюк, близ Богазкеоя, в Каппадокии, добытые раскопками 1929—1931 гг. Особенный интерес представляют два нижних слоя, из которых первый, относящийся к начальной эпохе металла и близкий хронологически Трою I, содержит керамику с блестящей красной облицовкой, подобную керамике Иортана и Трои II. Второй слой Алишара, датирующийся в нижнем горизонте рубежом III—II тысячелетий до н. э., знает красную керамику с матовой облицовкой (red wash) и некоторые формы сосудов, в особенности высокогорлые кувшины с удлиненными носиками, так наз. Schnabelkanne, очень близкие кипрским и западно-анатолийским. Во многом аналогичной представляется и архитектура Алишара, применявшая сырцовый кирпич крупных размеров на каменных фундаментах². Этими аналогиями еще более подчеркивается восточный характер раннетроянской культуры.

Эпоха II города, несомненно, один из наиболее ярких периодов в истории Трои. Это — время существования больших мегаронов, окруженных мощной оборонительной стеной, имеющей три строительных периода. Всемирно-известные клады, найденные Шлиманом, содержали большое количество посуды, украшений и орудий из золота, серебра и бронзы. Город был очень богат, обилие металла позволяет предполагать наличие местного производства. Можно проследить широкое влияние форм троянской металлической посуды на формы островной эгейской керамики³.

И однако, несмотря на то, что в эпоху II города появляются первые признаки прямых сношений Трои с Эгейским миром — импортная древнеэлладийская посуда и местные ей подражания, Троя II имеет еще ярче выраженный азиатский облик, чем Троя I.

Прежде всего это наблюдается в архитектуре. Здания Трои II, так же как и оборонительные стены, сложены из сырцового кирпича на каменных фундаментах. Кирпичи в некоторых местах сохранились. Это большие плоские кирпичи размером 50 × 40 × 12. По своим размерам и форме они соответствуют лидийскому кирпичу римского времени,

¹ A. G ö t z e, Kleinasion, стр. 27; см. также АОГ 1939, № 1, 2, где К. Биттель публикует новый материал культуры Иортан из могильника Бабакей, в южной Троаде, а также ранее не публиковавшиеся бронзовые предметы из самого могильника Иортан. Типы изданных им наконечника стрелы и топора вряд ли могли возникнуть ранее конца III тысячелетия до н. э., и, таким образом, конечная дата существования культуры Иортан должна быть передвинута на 3—4 столетия вперед.

² A. G ö t z e, ib., стр. 37.

³ C. S c h u c h h a r d t, Alteuropa, стр. 207.

сведения о котором сообщает Витрувий (11, 3,3)¹. Кирпичные кладки имели для прочности деревянные подпорки и прокладки в виде вертикальных или горизонтальных балок. Отверстия для них отмечены в оборонительной стене и жилых сооружениях². Комбинированные кладки из кирпича и дерева, подобные троянским, имеют ближайшие аналогии в хеттской архитектуре Богазкеоя³.

То же впечатление производит керамика, отличающаяся разнообразием форм и приемов изготовления. В особенности разнообразной и изящной она становится в позднюю пору II города, когда в употребление вошел гончарный круг.

Нельзя, впрочем, обойти и европейские аналогии, из которых в первую очередь должны быть названы сосуды с нацарапанным спиральным орнаментом, подобным орнаментации мелосских сосудов, или большие амфоры с крышками (иногда на трех ножках), встречающиеся в Придунайском бассейне и на древнейших северо-италийских террамарах. Европейские, равно как и азиатские параллели имеют, как известно, и знаменитые антропоморфные, или «лицевые», сосуды с условным изображением человеческого лица на крышке или горле. Всем этим до какой-то степени определяется круг торговых и культурных связей Трои II. Ту же, если еще не более широкую, картину дают и изделия из металла—бронзовые орудия и оружие, своими формами связанные прежде всего с Кипром и Критом (кинжалы) и с Придунайским бассейном (каменные и бронзовые топоры). Это относится также и к драгоценным украшениям.

Троя II была почти полностью вскрыта еще Шлиманом, и поэтому американские раскопки не дали значительных архитектурных объектов.

В 1935 г. в районе расположения мегарона II А найдено большое количество керамики II слоя и других бытовых предметов. При зачистке стены мегарона удалось установить, что здание было оштукатурено тонким слоем глины. Кроме того, открыты новые помещения, расположенные в фундаментах стены IIa и относящиеся к поздней эпохе Трои II. Расчистка этих помещений представила яркую картину внезапного разрушения города. Среди многочисленных находок любопытно отметить длинный ряд глиняных грузил, лежавших на полу одной из комнат на некотором (около 1,5 м) расстоянии от стены. По сторонам ряда прослежены отверстия в полу для деревянных столбов. Нет сомнения в том, что это остатки ткацкого станка, вероятно очень похожего на те, изображения которых хорошо известны из греческой вазовой живописи⁴.

В следующем году близ мегарона II E была открыта монументальная стена из больших камней со следами глиняной обмазки. Она могла принадлежать фасаду портика мегарона, о чем свидетельствует обнаруженная на ней каменная база колонны круглой формы.

К югу, недалеко от портика, найден прекрасно обработанный камень парастады с кордонами, вырезанными на его верхней части. Этим подтверждается предположение Дерпфельда о том, что мегарон имел парастады на южной и северной сторонах⁵.

Дерпфельд подразделил слои II города на три строительных периода (IIa—IIc)⁶. Оборонительные стены II города, пережившие двукратную реконструкцию, выразившуюся, главным образом, в перестройке ворот и предвратных укреплений, были возведены в среднюю пору существования города. Большую часть жилых комплексов, в том числе центральные мегароны, Дерпфельд относил к последнему периоду Трои II.

Новые раскопки подтвердили эту периодизацию, принеся лишь поправки к датировкам некоторых отдельных объектов.

Раскопки в слоях II города дали большое количество бытового материала, в том

¹ W. D ö r p f e l d, *ib.*, I, стр. 39.

² «Troja u. Ilion», I, стр. 57—58, а также S c h u c h h a r t, Schliemann's Ausgrabungen, стр. 72 сл.

³ A. G ö t z e, *ib.*, стр. 163; ср. G. C o n t e n a u, La civilisation des Hittites, стр. 193.

⁴ AJA, 1935, № 4, стр. 560.

⁵ *ib.*, 1937, № 4, стр. 26 сл.

⁶ «Troja u. Ilion», стр. 40.

числе довольно много украшений из драгоценных металлов (главным образом, бусы и булавки), вновь свидетельствующих о значительных богатствах, сосредоточенных за стенами Трои II.

При раскопке одного из упомянутых помещений найдена большая серебряная чаша¹, по форме близкая тем, которые происходят из шлимановского «большого клада»².

Кроме того, найдено много бронзовых и каменных орудий, костяных поделок и характерных для ранних слоев Трои каменных идолов простейшего типа в виде каменного топорика или мотыжки с перемычкой посередине.

Особенно многочисленны и важны для понимания культурной жизни Трои конца III тысячелетия до н. э. керамические находки. Встречены сосуды всех ранее известных во II слое типов. С некоторым удивлением приходится констатировать, что в отчетах всего лишь однажды упомянут обломок «лицевой урны». Наиболее интересна и в отношении хронологии и для характеристики культурных связей с Эгейским бассейном древнеэлладийская керамика. Фрагменты ее встречаются, начиная от позднего горизонта I города и до V города включительно. Это наблюдение представляет большой интерес для хронологии ранних слоев Трои.

Город II погиб от пожара и разрушений, причиненных человеческими руками. Событие это, происшедшее на рубеже III и II тысячелетий до н. э., должно быть связано с крупными передвижениями малоазиатского населения и с началом хеттского могущества в Каппадокии.

III и IV слои Трои принадлежат небольшим открытым поселениям, кратковременное существование которых не оставило по себе значительных следов.

Однако, IV город обнаруживает уже некоторые признаки возрождения: раскопками 1935 и 1937 г. в этом слое были открыты напоминающие архитектуру II города остатки зданий, с параллельными стенами, выходящими на узкую улицу, идущую в широтном направлении, керамика, по типу близкая древнеэлладийской, и несколько золотых украшений (булавки и бусы). Тогда же было установлено, что IV город прекратил свое существование тоже в результате пожара³. IV город характеризуется в особенности керамикой с красной матовой раскраской, с отогнутым венчиком, иногда с лощением. Значительная часть типов керамики с блестящей красной облицовкой, характерной для II—III слоя, к этому времени уже исчезает⁴.

V город представлялся, в результате работ Дерпфельда, почти столь же ничтожным, как и два предшествующих. Новые исследования продемонстрировали прежде всего значительную мощность слоя V — около 2 м, а остатки архитектуры позволили проследить до пяти строительных периодов⁵.

Раскопками обнаружено несколько небольших жилых построек. Примером жилого дома может служить здание, расположенное на участке 8—9, с тремя наслоениями глинобитных полов и очагом очень хорошей сохранности, помещенным на большом глиняном кругу, с двумя кирпичами — подставками для сосудов.

Для V города характерны сосуды с крестообразным орнаментом, нанесенным краской с внешней и внутренней стороны сосуда. К концу периода на смену грубоватой керамике с красной орнаментацией приходят тонко профилированные серые и желтые сосуды так наз. «минийской» техники, центр производства которых долгое время видели в древнем Орхомене. Важным датировочным признаком для ранних горизонтов является присутствие нескольких фрагментов древнеэлладийской керамики, относящихся к наиболее поздней поре этого периода⁶.

Полного возрождения Троя достигла лишь в эпоху VI города, когда вокруг нее

¹ AJA, 1937, № 4, стр. 25.

² C. Schuchardt, Schliemanns Ausgrabungen, рис. 36.

³ AJA, 1935, № 4, стр. 572—573.

⁴ Ib., стр. 562.

⁵ Ib., 1934, № 2, стр. 230.

⁶ Ib., 1934, № 2, стр. 230.

были возведены мощные оборонительные стены на высоких фундаментах из обработанного камня, нередко довольно крупных размеров.

Слой VI был впервые отмечен Дерпфельдом в 1890 г. на юго-восточном склоне холма; он расчистил значительную часть его оборонительной стены, открыл остатки жилых построек и именно этот город отождествил с гомеровской Троей, так как, по его хронологии, существование Трои VI относилось ко времени от 1500 до 1100 г. до н. э.¹

Оборонительные стены VI города сохранились на восточной, южной и западной сторонах холма. В них прослеживалось четверо ворот, из которых главными являлись южные (VII); наиболее импозантное впечатление производит южный участок стены, где она лучше сохранила свою кладку из хорошей брусчатки, демонстрирующей наилучший образец строительной техники Трои VI.

В более позднее время были пристроены многие из четырехугольных башен, сложенных из особенно хорошо обработанного камня. Куртины стены разделяются небольшими выступами в 15—18 см.

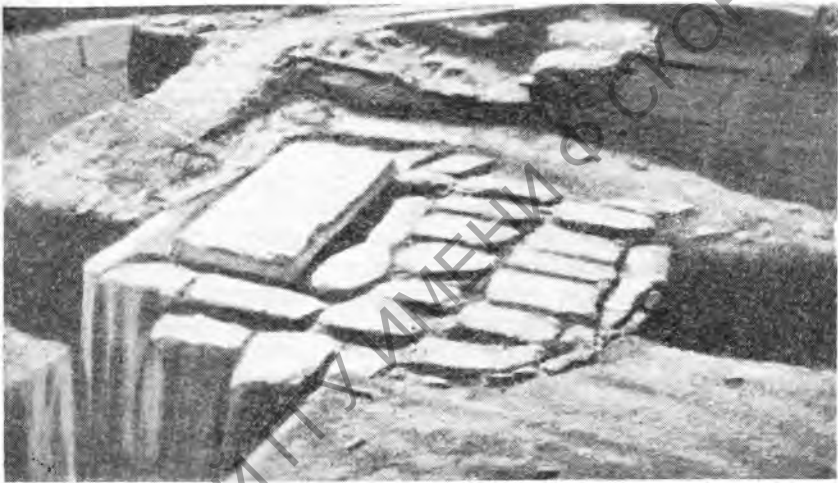

Рис. 4. Каменное основание жертвенника в башне оборонительной стены Трои VI

В 1934 г. за башнеобразной пристройкой обнаружены еще одни ворота в стене VI города, позднее заложенные. Под этим участком стены находились остатки небольшого здания с очагом, относящиеся к раннему горизонту VI слоя. Сооружение стены, таким образом, должно быть отнесено к средней поре VI города².

Кроме того, в 1937 г. на участке А4—5 удалось проследить продолжение стены VI города. Новооткрытая стена тянется к северу на протяжении 8 м, затем поворачивает к северо-востоку и продолжается в этом направлении еще на 10 м. Далее к востоку прослежены отдельные камни и ложе стены, совершенно разрушенной позднейшей выборкой камня. Этим окончательно разрешается вопрос о северной линии троянских укреплений. Город, несомненно, имел замкнутое кольцо стен, как это предполагал еще Дерпфельд. Объясняя отсутствие северной линии обороны, последний ссылался на Страбона, сообщающего о том, что стены греческого Сигэйона выстроены из троянских камней³.

Наконец, новые раскопки принесли еще одно важное открытие, связанное с исследованием оборонительной стены. На западном участке была раскопана башня (У).

¹ «Троја и Иlion», I, стр. 26 сл. и 98 сл.

² АЖ, 1935, № 4, стр. 563.

³ Ср. АЖ, 1937, № 4, стр. 592 сл.

фланкирующая южные ворота города. В центре башни открыта каменная вымостка полудиркульной формы, с большим известняковым блоком посередине, подобным алтарю или базе алтаря (рис. 4). С южной стороны башни открыты *in situ* четыре бэтилообразных камня, наибольший из которых достигает 1 м высоты. Столбы вне башни, так же как и алтарное сооружение внутри ее, принадлежат одному культовому комплексу. В культе различимы два элемента: один, связанный с почитанием бэтилов, широко засвидетельствованный для древнего Средиземноморья; другой, связанный с культом городской ограды, отголоски которого звучат в ритуале, практиковавшемся при инаугурации городов и военных лагерей у этрусков и римлян.

Еще один, не менее значительный культовый памятник был открыт в 1935 г. внутри города, неподалеку от тех же южных ворот. До раскопок здесь было замечено столбообразное сооружение из аккуратно сложенных камней, в стиле архитектуры VI города. Расчистка привела к обнаружению большого культового места с огромным количеством костей животных в пережженных слоях, относящихся к VIIa и VI периодам. Наиболее древние из найденных здесь предметов принадлежат концу V слоя.

И само сооружение, и характер находок не оставляют сомнения в том, что оно являлось одним из важных культовых мест Трои, а упомянутые выше каменные столбы служили, быть может, постаментами для бэтилообразных камней. Один такой камень, высотой в 1,25 м, найден был в 1937 г. у восточного угла этого здания¹. Судя по керамическим находкам, святилище существовало долгое время и продолжало функционировать по разрушении VI города.

Из других объектов архитектуры VI слоя упомянем лишь один небольшой дом (VI F), размером 11,7×8,5 м, открытый в 1935 г. Он интересен прежде всего тем, что сохранил остатки лестницы, ведущей на второй этаж, и стены первого этажа на высоту до 2,5 м. Кроме того, на его глинобитном полу стоят 2 ряда крупных каменных баз для деревянных колонн, по 5 с каждой стороны, на расстоянии 2 м от стен и 1,5 м друг от друга.

При раскопках VI слоя был отмечен еще один любопытный факт, проливающий некоторый свет на экономическую жизнь города. В некоторых местах обнаружилось небольшие углубления, сгруппированные по 6—8 штук. В одном пункте в этих ямах найдены целые залежи раковины «багрянки», из которой изготовляют пурпур². К тому же среди ракушек было найдено много каменных инструментов — жерновов, терок, пестов, служивших, видимо, для этого производства. Количество ям и отходов использованного сырья заставляет предполагать большой размах этого дела и позволяет видеть в Трое один из важных центров производства и торговли пурпуром в Средиземноморье.

В 1937 г. за пределами города, на расстоянии 500 м от южных ворот, был найден, после продолжительных поисков, некрополь VI слоя. Он содержал сожжения в урнах различной формы. Большой частью это были широкогорлые амфоры из грубой глины с двумя ручками или кратерообразные сосуды с тремя ручками. В числе приношений много «минийских» сосудов — киликов, кувшинов, амфор и т. д., а также несколько импортированных микенских сосудов. Судя по количеству извлеченных фрагментов керамики, некрополь содержал до 170 погребений. Могилы относятся к поздней стадии VI города, однако не переступают его хронологический предел. В них нет ни одного сосуда позже середины XIII в. до н. э., ни одного фрагмента, который бы был типичен для города VIIa³.

Для Трои VI особенно характерно присутствие серой или желтой лощеной керамики, получившей в зарубежной науке название «минийской» вследствие того, что она с начала элладского периода появляется в большом количестве в древнем Орхомене, Фессалии и Фокиде и оттуда распространяется по материковой и островной Греции. В связи с этим велись и ведутся большие споры о ее малоазийском или балканском про-

¹ AJA, 1937, № 1, стр. 31.

² AJA, 1937, № 4, стр. 582.

³ AJA, 1935, № 1, стр. 26 сл.

исхождении¹. Новые раскопки продемонстрировали появление минийской керамики уже в поздних горизонтах V города Трои². Кроме того, было отмечено большое количество образцов простейших типов минийской керамики безусловно местного происхождения. Факты, таким образом, говорят о приоритете Трои в производстве минийской посуды и свидетельствуют в пользу мнения Франкфорта, указавшего на то, что типы ее восходят к формам троянских металлических сосудов II слоя.

Еще со времени раскопок Шлимана и Дерпфельда были известны образцы поздне-элладийской или так наз. микенской керамики из Трои VI. Американские раскопки показали, что Троя VI в нижних горизонтах содержит обломки среднеэлладийской керамики поздних типов, верхние же горизонты дают сосуды и обломки сосудов позднеэлладийского II периода, так наз. «дворцового стиля», примером чего может служить часть большого сосуда с тремя ручками, найденного при раскопках близ оборонительной стены в 1936 г.

Местная, подражающая элладийской, керамика укладывается в те же хронологические рамки. Образцом таких изделий может служить фрагментированный сосуд, найденный при раскопках дома с колоннами³.

Перечисленные находки, а также отсутствие в слоях VI города керамики позднего элладийского периода III заставляют изменить его начальную и конечную даты. Возникновение Трои VI должно быть отнесено к концу среднеэлладийского периода, т. е. ко времени до 1600 г. до н. э. Конец же города наступил до 1300 г. до н. э., ближе к середине XIV столетия⁴. Этот очень существенный хронологический вывод тотчас же заставляет пересмотреть вопрос об идентичности Трои VI и «гомеровской Трои» — города Приама и Гектора. Бледжен предлагает считать гомеровским город VII а, возникший на развалинах шестого. В период его существования, продолжавшийся около 150 лет, были восстановлены и использованы для жилья с некоторыми перестройками здания VI города и продолжали стоять его оборонительные стены. Архитектура этого слоя вообще характеризуется использованием зданий и строительных материалов предшествующей эпохи, а керамика содержит позднейшие образцы минийской посуды и позднеэлладийские фрагменты III периода⁵. Кроме того, город VII а погиб от пожара в начале XII в.⁶ Верхним же горизонтом Трои VI является слой, содержащий обвалившиеся кладки, а также разбитые и погребенные в результате этих обвалов бытовые остатки. Он не имеет на себе следов пожара и получил наименование «слоя землетрясения» (Earthquake layer). Признаки землетрясения могут быть отчетливо прослежены и на некоторых участках оборонительной стены, где видны глубокие трещины, смещения кладок и т. д. Таков, например, участок южной стены с башней (VI Н), имеющей трещины и расхождения камней, причиненные землетрясением.

Если к вопросу о гомеровской Трое подходить с точки зрения соответствия топографии города данным гомеровского текста, то правы окажутся скорее всего те, кто отрицает возможность идентификации Гиссарлыка и гомеровской Трои⁷. Более правильная другая постановка вопроса, при которой от гомеровского эпоса, как произведения искусства, можно требовать, может быть, и многого, но отнюдь не реальной топографии и географии⁸. В этом случае на помощь приходит предание о преемственности гомеровского и греческого Илиона. Должны ли мы его отвергать, если принимаем традицию о Троянской войне?

¹ См. историю и критику вопроса у Н. F r a n c f o r t, *Studies*, II, стр. 140 сл.; стр. D. F i m m e n, *Die Kretisch-Mykensische Kultur*, стр. 79 сл.; Фиммен называет минийскую керамику «орхоменской».

² *AJA*, 1937, № 4, стр. 584, 580.

³ *Ib.*, 1935, № 4, стр. 580.

⁴ *Ib.*, 1937, № 4, стр. 595—596.

⁵ *Ib.*, 1934, № 2, стр. 234.

⁶ *Ib.*, 1935, № 4, стр. 550.

⁷ См. A. S e u r e, *A la recherche d'Ithaque et de Troie*, «*Journal des Savants*», 1931, № 2, стр. 337.

⁸ Cp. U. W i l a m o v i t z -M ö l l e n d o r f f, *Ilias und Homer*, Beilage I.

Результаты раскопок непреложно подтверждают важное значение Трои в древней истории западной части Малой Азии, ее широкие связи, в том числе непрерывные сношения с островной и материковой Грецией, распространявшие славу о городе по всему Средиземноморью.

При этой постановке вопроса нет необходимости выбирать между II, VI или VII городом, так как в числе сведений, которыми располагали жители доисторической Греции о Трое, могли фигурировать, наряду с более поздними и весьма древние данные.

Но если такой выбор все же обязателен, то трудно, кажется, возразить против того, что наиболее яркие и многочисленные следы связей Трои с материковой Грецией дают слои именно VI города. Ибо как раз в середине II тысячелетия до н. э. в Греции распространена столь характерная для Трои минийская керамика, а в Трое представлена позднеэлладийская посуда не только в импортированных образцах, но и в многочисленных местных подражаниях. Именно в эту эпоху сношения между Троей и центрами микенской культуры должны были быть наиболее интенсивны и могли иметь мирный или враждебный характер.

Американские археологи готовы признать гомеровской Троей город VIIa на том основании, что его гибель близка традиционной дате троянской войны, а развалины его сохранили на себе признаки разрушения от пожара. Для решения вопроса, от чьих ударов пала Троя VIIa, содержатся указания в материале, добытом из раскопок слоя VII b. Это поселение, возникшее на развалинах предшествующего города, датируется поздними образцами микенской керамики так наз. стиля Гранари¹. Общий же характер культуры Трои VII определяется большим количеством грубой, черновато-серой керамики с процарапанными линейным орнаментом, часто с лощением и с выпуклыми роугообразными украшениями — так наз. Buckelkeramik. Центром распространения ее являются северобалканские, придунайские области: ее много в некрополях конца VII тысячелетия до н. э. в Венгрии и Румынии. Раскопками Г. Шмидта подобная керамика очень близких Трое образцов была получена в некрополе Монтеору в северо-восточной Валахии². Кроме того, среди остатков VII города содержатся образцы бронзовых кельтов, втульчатых топоров и другие предметы (например, очень любопытная глиняная статуэтка³), имеющие балканское происхождение. Поэтому, вероятнее всего, не из Греции, а из Фракии явились завоеватели, уничтожившие Троя VIIa.

В начале этого очерка мы отмечали отдельные элементы троянской культуры в Южной и Средней Европе. В них надо усматривать влияние Трои на культуру эпохи энеолита и ранней бронзы в Придунайском бассейне.

На заключительном этапе троянской истории положение изменилось самым резким образом. Культура Придунайского бассейна захлестнула Троаду. Можно указать путь, по которому совершалось это движение, — вдоль рек Моравы и Вардара, через Македонию, где все вышеуказанные культурные явления прослеживаются столетия на два раньше⁴.

Казалось, следовало бы ожидать проникновения в Троаду развитой и экспансивной хеттской культуры из Каппадокии и северной Сирии. Но между хеттскими центрами и Троадой лежала пустынная и дикая Фригия: отсутствие легких водных путей мешало установлению регулярных сношений. Хеттское влияние почти не проникло западнее Сангария.

О том, что Троада, как и другие области запада Малой Азии, все же находилась в сфере политического влияния хеттов, свидетельствует известный из египетских источников факт участия в битве при Кадеше в 1288 г. до н. э. на стороне хеттов некоторых западноанатолийских племен, в том числе Ииуппа (троянцы), Derden (дарданцы), Mesa (мизийцы), Luka (ликийцы)⁵.

¹ AJA, 1935, № 4, стр. 550.

² C. S c h u c h h a r d t, Alteuropa, стр. 189.

³ AJA, 1937, № 4, рис. 39, стр. 596.

⁴ G. Childe, op. cit., стр. 392.

⁵ G a r s t a n g, The Hittite Empire, стр. 171.

Но незначительность хеттского влияния на Трою видна прежде всего из того, что троянская культура до конца осталась бесписьменной.

Ни старые, ни новые раскопки не дали ни одного эпиграфического памятника, относящегося к догреческой эпохе. Этим лишний раз подчеркивается самостоятельное, но ограниченное значение города, тяготевшего в своих связях к странам Южной Европы и малоазийского побережья. Он играл важную роль в материальном обмене этих районов, был крупным торговым и производственным центром, средоточием значительных ценностей и крепостью, господствовавшей над небольшими открытыми поселениями Трояды. Жители города и их воинственные правители, обитавшие в больших мегаронах, достигли многого в пределах культуры варварства, но не возвысились до цивилизации и государственности Крита, микенских центров или своих ближайших соседей — хеттов.

Л. Ельницкий